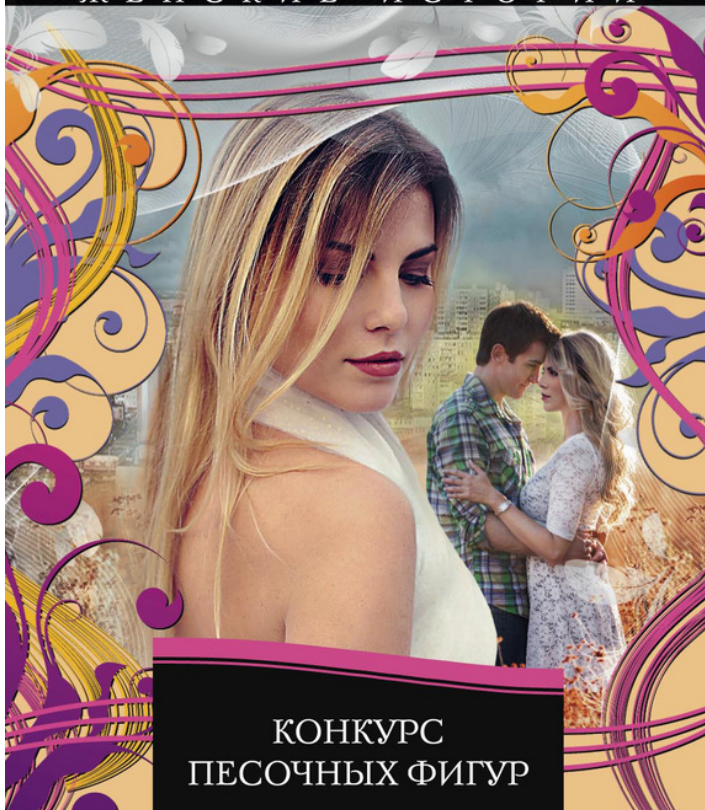

Татьяна КРАСНОВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *

КОНКУРС
ПЕСОЧНЫХ ФИГУР

Татьяна Александровна Краснова

Конкурс песочных фигур

Серия «Женские истории»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6452038

Конкурс песочных фигур: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04745-8

Аннотация

Карина во всем привыкла полагаться на себя. Талантливый переводчик, преподаватель иностранных языков – без работы не сидела, обеспечивала себя и дочь. И все же расставание с гражданским супругом – беспечным и талантливым художником Ильей – далось ей нелегко. К тому же пришлось подыскивать новое жилье. Знакомство с Володей Головиным не предполагало серьезных отношений: воскресные поездки за город, ни к чему не обязывающие разговоры обо всем. Двое взрослых людей не рассчитывали на серьезные чувства и совершенно не знали, что им делать со своей внезапно случившейся любовью...

Содержание

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА	6
ТРОПИНКА	18
УТРО В СОСНОВОМ ЛЕСУ	27
ЭТИ ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ	35
СВЕЖИЙ КАВАЛЕР	44
ДЕВЯТЫЙ ВАЛ	54
ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Татьяна Александровна Краснова

Конкурс песочных фигур

– Хочешь увидеть циклопа?

Она притянула к себе его голову, прижалась носом к его носу, и он увидел перед собой огромный смеющийся янтарный глаз. Лучики, разбежавшиеся вокруг зрачка, пятнышки и переливы медового цвета можно было исследовать, как географию Луны, увиденную в телескоп.

Он резко отодвинулся. Перевести все в шутку – самый верный способ дать понять, где его место. Сходить в театр, посидеть в кафе, побродить по бульвару, как школьники, – это пожалуйста, а дальше границы дозволенного вырастают Китайской стеной. Прошибать ее лбом – это в двадцать лет, полжизни назад могло бы показаться увлекательным. А нужен ли ему вариант с Дружбой Между Мужчиной и Женщиной – это еще вопрос.

Он размашисто отшагал по ночной Москве весь путь до вокзала. Последнюю электричку на Белогорск отменили. Удалось договориться с проводником и сесть в поезд, идущий в том же направлении. В купе было пусто и темно, но не успел он этому порадоваться, как появилась молодая болтушка, включила яркий свет, возликовала, что попутчик –

приличный человек, а то ведь время позднее, мало ли чего, сами знаете, и болтала два часа не умолкая.

А может, вариант с дружбой и не оскорбителен и не совсем уж плох? Чем совсем ничего-то? Мысль, что он больше никогда ее не увидит, показалась противоестественной. И потом, если люди вообще не видятся, то вообще ничего и не возможно, а если они хоть изредка сидят в кафе, бродят по бульвару, как школьники, играют в циклопа...

— ...И после этого я плюнула на все и переехала в Переславль-Залесский, знаете, это Золотое кольцо, ну, вы наверняка там были когда-нибудь...

Он вежливо откланялся и простоял в тамбуре остаток пути.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

– А мне предложили один интересный проект. В Германии. – Илья подошел к Карине, сидевшей за компьютером, склонился над экраном, и их почти одинаковые светлые волосы перемешались. – У тебя что-то новенькое? Ба, пьеса! Весело живем! Это вам не технические руководства по зарубежным унитазам переводить. Где нарыла-то?

Карина хотела переспросить насчет Германии, но не удержалась и стала рассказывать об английском драматурге Стоппарде, который, дописав пьесу о Герцене, опять обратился к русской истории, на сей раз новейшей, и вот ей выпала такая честь... Илья верил целых две секунды и только на третьей расхохотался.

Худошавый, взъерошенный, с цепким взглядом и улыбкой, всегда готовой расцвести, за этот год, что они провели вместе, он несколько не повзрослел и напоминал школяра, готового к любым приколам и розыгрышам. И еще игрушечного мишку с разноцветными глазами-пуговицами – серой и зеленой. Причем серый глаз смотрел спокойно, а зеленый – с хитрецей.

– Так что с Германией? Когда ехать, на сколько? – переключилась Карина на деловой тон – и оба его глаза стали серьезными.

– Сначала на полгода, потом видно будет. Такая тема,

что там и работа, и мастер-классы...

Пока Илья рассказывал о своих перспективах, Карина несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь, чтобы не изменилось выражение лица.

Полгода. Значит, всё. Значит, этот этап ее жизни можно считать завершенным. И если минуту назад она думала только о том, как добить перевод и как лучше провести выходной с дочкой – в Москве или за городом, то сейчас замаячили совсем другие заботы. Главное – где теперь жить, куда перебираться, потому что в этой квартирке в Карачарове, к которой она так старалась не привыкать, она с этой минуты уже не живет.

Карина старалась слушать Илью и обводила взглядом маленькую комнату, где была по-настоящему счастлива. Впервые не давил груз неудавшегося замужества, необходимости вырваться в Россию из среднеазиатского «подбрюшья», куда забросило ее родителей во времена молодости, а потом – без денег и поддержки устраиваться с дочкой на исторической родине, суровой не только климатом. Карина заразилась беспечностью Ильи, который был четырьмя годами моложе, и сама себя ощущала студенткой: все нипочем, все впереди, и жизнь полна прекрасных непрочитанных книг и несостоявшихся приключений. По крайней мере, тридцать – полные, с ноликом, которые когда-то издаലെка представлялись таким солидным возрастом, – совершенно не ощущались.

И жизнь стала наконец не ежедневным выживанием. Рядом с Ильей, энергичным, постоянно в поиске, покорение столицы превращалось в захватывающую игру. Сам он, дизайнер, предпочитал фриланс и, как только работа начинала нагонять тоску, быстро переходил к следующей, тем более что их всегда было сразу несколько: проект на издыхании, проект на подъеме, проект на горизонте, халтура-брошу-хоть-сейчас. Ну-ка, что там еще интересенького? Чего я еще не пробовал? Причем проект должен был или поглощать целиком, или приносить хорошие деньги – Илья не мог не гореть, но не мог и позволить себе быть сырым и босым – и тут уже переставал напоминать студентика.

Карина невольно включилась в эту гонку. Она вела английский в Иринкиной школе, занималась с двоечниками, брала переводы с английского и немецкого, в основном технические – о «зарубежных унитазах», вела экскурсии, окончив курсы экскурсоводов, – не отказывалась ни от чего, что подворачивалось под руку и что подбрасывал Илья. Когда по вечерам они обменивались новостями, кому что удалось накопать, в этом был азарт настоящего соревнования. Там есть возможность попробовать себя в чем-то новом, там – завести полезное знакомство, а там – ну очень прилично платят. Карина даже одергивала себя, когда неприкрыто ликовала, обогнав на вираже балованного москвича, – ну что за детский сад, игра в песочнице.

Но ведь это и была скорее песочница или беговая дорож-

ка, чем нормальный гражданский брак, мало чем отличающийся от законного. Карина трезво смотрела на их союз и постоянно твердила себе, что вот-вот ее Илью – который никогда не был и не будет по-настоящему ее – унесет к очередным сияющим вершинам, насовсем, и тогда она должна быть готова не разнюниться, не выйти из строя, не подвести своих работодателей, не дать заподозрить чуткой малышке, что у них что-то не так. Это не должно ее подкосить! Это должно произойти в рабочем порядке! Она всегда должна быть готова! Несмотря на то что сейчас все безоблачно!

Впрочем, облака набежали один раз – когда она отправила из дома Иринку.

«Игровая» теория подтверждалась тем, что Илья обожал ее семилетнюю дочку. Прибегая домой со своих десяти работ, он, если не притаскивал какой-нибудь срочный заказ и если Иринка сидела с игрушками, тут же к ней присоединялся. Не просто снисходя, как обычно взрослые, повозиться полчаса с ребенком, а самозабвенно перемещаясь в выдуманный мир и полностью отключившись от реального, – совсем как сама Иринка. Карина не только никогда не чувствовала, что ее ребенок лишний между ними, наоборот, в этот момент это она была лишней, о ней и не вспоминали, пока она не напоминала им об ужине. Она с иронией признавала, что с Иринкой ему играть интереснее.

Разумеется, на такую идиллию нечего было жаловаться, об этом и во многих семьях с родными отцами могут только

мечтать – вот только что почувствует девочка, когда бесподобный Илья отбудет? Ребенку не втолкуешь, как себе, что нельзя к нему привыкать! Что они не у себя дома – ни в этой стране, ни в этом городе, ни в этой квартире. Что, если завтра они окажутся на улице, заболеют, умрут с голода, по большому счету никому не будет до этого дела. А когда рассчитываешь только на себя, нужны спокойные нервы и ясная голова, и их надо сохранять любой ценой. А за солнечного Илью судьбе спасибо, конечно, как за праздник, но праздники не длятся вечно...

Скоро и Иринка поняла, что они на чужой территории.

Мама Ильи пришла неожиданно и открыла дверь своим ключом. Карина так и не разобралась до конца, кто из его семейства где живет и где прописан, – сам Илья жил в Карачарове, в девичьей квартирке мамы, а числился в большой, многокомнатной, где прошло его детство и где сейчас его сестра растила детишек, а мама ей помогала, а сестра, ее дети и муж, в свою очередь, тоже были прописаны где-то еще... Словом, мама никогда не приходила – и вдруг пришла.

Первое, что она увидела, – Илья и Иринка расписывают сказочными цветами и зверями стену по белым обоям. Это была идея Ильи, он хотел показать Иринке, как работать большими кистями, – но оба художника в первую минуту одинаково замерли, как нашкодившие детишки.

Потом мама увидела Карину за компьютером. Возможно, будь та с половником в одной руке и шваброй в другой – это

сошло бы для знакомства благостней. А впрочем, она ничего неприятного не сказала. Только спросила:

– Так это вы из Таджикистана? – И еще: – Так у вас и ребенок есть?

Вопросы как вопросы. А Карина ответила:

– Здравствуйте.

Никто ее не обидел, не унизил. Илья сразу же начал шутить, обаял и успокоил маму, показал, что обои с росписями не приклеены, крепятся кнопками...

А через два дня услышал от Карины, что Иринка теперь учится в загородной школе с полным пансионом. Под Белогорском, где живет ее тетка. Там воздух чище, чем в Москве, и кормят хорошо, и учителя замечательные.

Илья сник. Бросил на диван игрушечное привидение, которое уже вытащил из упаковки и собирался сделать Иринке сюрприз. Сказал без привычной улыбки:

– Ты слишком рано наносишь упреждающий удар. Не убедившись, что в этом есть надобность.

Карина предпочла оставить его слова без комментариев.

А Илья добавил:

– Знаешь, ты с виду такая женственная, я еще думал – как мне повезло, такие настоящие женщины только в провинции и остались. А на самом деле рядом с тобой любой мужчина будет чувствовать себя тряпчным. – И показательно помахал бархатным привидением.

Карина не стала его разубеждать и доказывать, что сама

больше всего боится оказаться тряпочной.

А Илья развел руками и завершил:

– Ну, может, меня и правда рано к детям подпускать. Может, я на них плохо влияю. Сам еще не сформировался, несерьезный такой. Ни дисциплине не могу научить, ни ответственности. Куда это годится.

Тут уже Карина поняла, что у нее сейчас разорвется сердце, если она немедленно не пойдет готовить ужин, а потом не сядет за компьютер, а потом, несмотря ни на что, не заснет и не проспит минимум семь часов – иначе завтра разболится голова и рабочий день будет сорван. Завтра – слишком серьезная вещь, чтобы ей рисковать. Что бы ни произошло сегодня, завтра она должна проснуться как ни в чем не бывало и приступить к своим обязанностям.

В общем-то, не изменилось ничего. Иринка приезжала на выходные, и они с Ильей все так же захлеб играли, и карусель с вечной погоней за новыми возможностями продолжала крутиться. И когда Илья, проглотив «Стоппарда» и отсмеявшись, сообщил о своем отъезде, это вышло так буднично. В рабочем порядке. Как хорошо, что она готовилась заранее.

– Что ж, надо ехать, такой случай глупо упускать, – ровным голосом подытожила Карина. – Ты ужинать хочешь?

Илья смотрел на нее как обычно – ну, разве что чуть более выжидательно и чуть подольше, словно сразу не мог решить насчет еды.

– Нет, я по дороге перехватил, – наконец отозвался он – и с облегчением, и немного озадаченно. – Чаю бы попил, но попозже.

– Тогда я закончу, мне еще минут двадцать. – Карина кивнула на экран.

Первые пять минут из двадцати она могла только тупо смотреть перед собой. Из кухни доносился веселый голос Ильи, который обзванивал знакомых, сообщая свою новость. Как хорошо, что удалось почти все закончить к его приходу – вряд ли она сейчас смогла бы снова погрузиться в тексты о национальных проектах. Они и так тяжеловато шли. А когда Карина добралась до последнего проекта, образовательного, то заметила, что лепит шаблонные фразы с однотипными грамматическими конструкциями – как же это читать-то потом? Атака клонов. Главное, работа на время, а оно бежит! Она уже и шоколадкой себя награждала, и перерыв делала с целью прочистить мозги.

Илья в подобных случаях копался в так называемом «ворохе вдохновения» – пирамиде из ватманских листов, рулонов и папок, наваленной прямо на полу. Там были все его работы, от художественной школы и Строгановки до наших дней. Он никогда ничего не выбрасывал, считая, что любая мелочь может пригодиться, – и они действительно пригождались, забытые идеи подпитывали новые работы либо наводили на новые мысли.

Карина заметила в куче репродукцию Кандинского – композицию-вихрь из ярких мазков и очертаний, еще не успевших превратиться ни во что конкретное, – должно быть, изображение того самого вдохновения, пока оно еще только в голове художника. А ведь ее статьи тоже можно было бы расписать такой разноцветной палитрой. Скажем, патетическими гекзаметрами. Что-то вроде:

Боги Олимпа, восславьте великий проект педагогов!
Трижды быстрее плоды просвещения созреют теперь.

Карина пересчитала количество слогов в своем шедевре – сойдет. Ну-ка, а былинный размер?

Ой вы гой еси, свет учителя,
Свет учителя, красны девицы!
То не алая заря занимается,
То не в небо соколы поднимаются —
То летят гонцы во все стороны,
И несут гонцы весть про нацпроект...

Глаза уже не слипались, голова не падала. Хвала Кандинскому и Илюшкиной куче!

Дальше Карина увлеченно писала роман:

«Все счастливые школы счастливы одинаково, все

несчастные школы несчастливы по-своему. Так думал директор гимназии Двойкин, пробегая глазами очередной указ из Министерства образования...»

После этих экспериментов голова заработала как новенькая, Карина быстро добила перевод, а потом, на закуску, попробовала еще один жанр – драму. Под названием «Проект».

«Планерка у губернатора.

Г у б е р н а т о р. Господа, я должен сообщить пренеприятное известие! Нам спустили очередной прожект – «Образование».

Попечитель учебных заведений грохается в обморок.
Немая сцена».

Этот шедевр и увидел на экране компьютера Илья, вернувшись домой.

А теперь, какая бы тоска ни подкатывала, надо вычистить готовые тексты и отправить заказчику, и ни на какие вдохновлялки времени нет.

Заваривая любимый чай Илья, с лимончиком, Карина неторопливо спрашивала, какие документы ему надо

оформлять для отъезда, за сколько времени брать билет, один он едет или с кем-то из приятелей, – он отвечал на один вопрос за другим, и в голосе все явственнее проступала обида.

– А я успею тебя по немецкому натаскать или просто хороший разговорник купим?

И тут Илья взорвался:

– И это все, что ты хочешь сказать? Ты меня прямо как Иринку в школу отправляешь! А я-то думал, что что-то для тебя значу! – Но очень быстро вернулась обычная улыбочка. – Знаешь, это у меня такая фишка по жизни: все настоящие женщины дают понять, что прекрасно без меня обойдутся. Ну, стало быть, так оно и есть.

«А дай они понять, что жить без тебя не могут, – летел бы ты от них с огромной скоростью». Карина сказала это самой себе, но вымученная ирония – никакой не бальзам на душу. Ладно, по порядку – сначала проводы, потом бальзам. А главное сейчас – заняться поисками квартиры... нет, комнаты, конечно. И так на частную школу прорва денег уходит.

Но Илья, заметив, что Карина залезла на сайт по аренде жилплощади, тут же выключил компьютер варварским способом, что было совсем на него не похоже.

– Нечего тебе искать! Оставайся здесь. Эта квартира все равно будет пустая стоять.

Карина собиралась возразить, но он не дал ей раскрыть рта и проявил непреклонность.

– Считай, что уже нашла подходящий вариант. Причем неплохой – будешь только коммунальные оплачивать и электричество. С мамой я переговорил, никаких сюрпризов не будет.

Карина, собиравшаяся было съязвить насчет понаехавших нахрапистых провинциалов, язвить не стала и мягко, почти смиренно оговорила:

– Хорошо, пока я не найду что-нибудь подходящее.

Илья мигнул. Стало быть, никто его здесь, дома, ждать не будет. А впрочем, он же и сам никого с собой не приглашает.

А бальзамом на душу Карины немедленно занялась Аня – подруга из Белогорска.

ТРОПИНКА

Карина спускалась по тропинке к станции. По воскресеньям, если не работала, она навещала Иринку – отдохнувшая или без сил, здоровая или не очень, в любую погоду. А погода этим летом чаще всего была унылая, дождливая, как сейчас. Зря всю зиму солнышка ждали. Когда Илья с Иринкой расписывали стены, он пояснял, какие эмоции несут разные цвета: зеленый – спокойствие, желтый – радость, красный – цвет активности, а голубой, его любимый, – беззаботности. Он и одежду всегда выбирал светло-светло-синюю. А Карина еще заметила, что этого цвета здесь так мало – небо чаще всего серое, кислое, плачущее.

И природа здесь унылая, блеклая – общипанная травка, куцые кустики, цветочки невнятные, горки-пригорки. Непонятно, почему эти места величают «русской Швейцарией». Даже неудобно – ведь это родина ее отца, и она сама здесь родилась, а хваленной красоты не видит, хоть убей. Разве что сосны красивые, среди которых стоит Иринкина школа «Знайка».

А эта крутая тропа хороша тем, что они встречаются здесь с Аней Семеновой – музей-усадьба, где та работает экскурсоводом, недалеко, и ей удастся иногда прибежать проводить Карину на электричку. Точно, вон она летит – как всегда, прозрачно-бледная, с глазами вполлица, с развевающимися

кудряшками.

– Привет, я сбежала пораньше! Говори скорей – правда, что Плотников в Германию уехал, или наши реставраторы опять шуточки шутят? Я им пошучу!

Аня была той доброй феей, которая поддержала Карину, только что приехавшую в Россию, а белогорская тетка, смерив ее взором – почти как мама Ильи, разрешила пожить пару летних месяцев в своей квартирке, пока она сама на даче, – и развернулась, исполнив родственный долг. Это Аня помогла тогда растерянной Карине почувствовать себя полноценным человеком, нашла ей работу в своем музее, даже материалом для экскурсий поделилась. Анин сынишка Егор подружился с Иринкой...

Удивительно, но Иринка обрадовалась, услышав о школе в Белогорске, хотя при известии, что придется расстаться с мамой, дрогнула, конечно. Но Белогорск – «Там Егор! Там тетя Аня!» – это все равно что домой! Карина не ожидала таких эмоций и поймала себя на том, что, кажется, и для нее самой эти места все-таки родные, так же как Анька – родной человек.

А об Илье Аня узнала, получается, от посторонних. Но так не хотелось говорить по телефону – скороговоркой, в череде других новостей, как об уже свершившемся и бесповоротном! Как будто припечатать собственными словами собственную участь соломенной вдовы. Итак, весть сюда уже докатилась. Общительный Илья раззвонил о своих успехах, в

том числе и белогорцам.

Прошлым летом он работал в их музее реставратором, и именно Аня потрясла тогда его воображение. Но она выбрала сына – есть такие предсказуемые женщины, которые между любовью и семьей всегда выберут Долг с большой буквы. Причем Долг был связан именно с сыном, потому что скучный Семенов, конечно, никакого сравнения с Ильей не выдерживал...

Карина и Аня были необычными подругами – они никогда не обсуждали свою личную жизнь. Что угодно – работа, дети, как провести выходные – только не Плотников. Когда Аня сначала узнала, что ее обожатель перебрался к Карине, а потом что он вообще увозит ее с собой в Москву, удивительно, но ее добрые отношения с обоими сохранились. Они с Кариной продолжали дружить, словно ничего не произошло, только встречались реже, причем Аня и Илья неизменно передавали друг другу привет через Карину, а Илья не пропускал ни одной белогорской выставки с участием Ани. Но между собой подруги о Плотникове не упоминали. Сегодня это неписаное правило было нарушено.

Карина с невольным любопытством всмотрелась в тревожное лицо Ани: не всколыхнул ли отъезд Ильи прежние чувства, ведь они же были. Но нет, Аня волнуется исключительно о ней – потому что прекрасно знает, что такое Плотников. А как приятно видеть, что о тебе волнуются!..

– Значит, правда, – утвердительно сказала Аня. – Ука-

тил. – Никакое образцово-показательное спокойствие Карины не могло ее обмануть. – Знаешь, тебе надо самой себя из этого вытаскивать, и поскорее. Потому что это будет очень тяжело.

Карина поняла, что Ане тогда пришлось пройти этот этап – избавления от поистине наркотического обаяния Ильи – и что у нее самой пока этого опыта нет, но подруга им сейчас поделится.

– Езжай для начала куда-нибудь в отпуск с Иринкой.

– Этим летом отпуска не получится, – покачала Карина головой. – Во всех трех... нет, четырех местах его никак не соединишь. Хорошо хоть можно малышку в «Знайке» оставить. Да она не одна такая, там еще нескольких детишек не забирают на лето – компания у нее будет...

– А может, не надо четыре работы? У меня когда две было, я думала, помру... Это все Илья с его темпами! Так же не все могут! Зачем самосожжение? Пусть порхают по жизни те, кто может себе это позволить, а у нас дети, и мы марафонцы, а не спринтеры! Ты должна рассчитывать силы не на день вперед, а лет на пятнадцать!

– Да я рассчитываю, – успокоила ее Карина, – ем и сплю вовремя, и без вредных привычек, дорогу перебегаю исключительно на кра... зеленый свет!

– И все равно надо остановиться на чем-то главном, – не сдавалась Аня. – Особенно в профессиональном плане. Поиски хороши в начале пути, а если и дальше будешь разбра-

сываться, как Плотников... В общем, я думаю, стоит определиться – переводы, или преподавание, или еще что-то, тебе видней. Осталась бы в этой школе, где работаешь по трудовой, и хватит...

– Не хватит, – быстро возразила Карина и разложила на пальцах немудреную арифметику: одна работа покрывает расходы на еду, другая – на одежду, третья – на транспорт и так далее. – Ань, я могу все побросать, забрать к себе Иринку – и вот сидим мы вместе, голодные, оборванные. Бросить легко, это найти было трудно! И все равно мне приходится убегать на весь день, и никто за ней не присматривает, и на краски-пляски денег нет, и на лекарства, и мультики не смотрим по причине отсутствия телевизора... Как будто это все уже было, а? Что-то до боли знакомое! Ладно, хоть за квартиру пока платить не приходится. В общем, ты поняла. В моем положении нельзя иметь один источник дохода.

Она не стала добавлять, что у самой Ани, в отличие от нее, есть такой второй и неслабый источник, как муж, но та и сама больше эту тему не развивала. А уточнила:

– Насчет квартиры... ты что же, все еще там, у Ильи? – И, получив утвердительный ответ, пришла в ужас: – Вот этого нельзя! Он же так никогда у тебя из головы не выйдет! Он из всех углов будет на тебя смотреть! Ты будешь его подсознательно ждать!

– Понимаю. Но что-то снять пока не получается.

– Все равно уезжай оттуда! У меня живи! У тетки!

– Ань, я если отсюда ездить буду, не то что четыре – одну работу не потяну. Спасибо, конечно, но это не выход.

– Все равно, из любой ситуации есть выход! – упрямо твердила Аня. – Вот только если ты сама не хочешь ничего менять... Знаешь, иногда выход не ищут, потому что он не нужен.

Но Карина ее успокоила, улыбнувшись без всякой натянутости:

– Да все уже само поменялось, мало ли чего мы там хотим. Конечно, я найду другое жилье при первой возможности. – И торопливо добавила, заметив подходящую электричку: – Я за лето планирую это решить, ты не волнуйся!

Карина достала ключ от квартиры – маленький, плоский. Несколько раз она пугалась, думая, что потеряла его, а потом находила в сумочке среди всяких мелочей – пока Илья не прицепил этот брелок с пузатым резиновым кенгуренком. Ключ мог просто болтаться на цепочке, а можно было сунуть его в кенгуренков эластичный кармашек. К тому же брелок слегка флуоресцировал и теперь сразу находился в глубинах сумки. Карина погладила кенгуренка и отперла дверь.

В комнате с оконного стекла улыбалось дурашливое лохматое солнышко – Илья нарисовал его для Иринки еще зимой, а сейчас уже все-таки лето, хоть и тусклое, – но рука не поднималась взять мокрую тряпку. Хотя гуашь легко бы смылась и следов не оставила.

Ворох вдохновения громоздился на своем месте. Раньше Карина несколько раз пыталась укладывать папки и рулоны на книжные полки, даже в пластиковый ящик для белья пробовала – а через пару дней Илья начинал все ворошить, и куча на полу опять вырастала. Но ведь теперь никто не мешает загнать ее в рамки приличий, навести, наконец, порядок! Что же она не наводит?!

Илья действительно смотрит на нее из всех углов, Аня права! Карина двинулась на кухню, зная, что сейчас увидит там его именную кружку, его любимую тарелку, его любимую заварку... Какого черта она чай-то до сих пор тот самый покупает, с лимончиком – машинально, что ли?! Вот уж никогда не думала, что способна беречь раны и получать от этого удовольствие! Обрубать! Забывать! Переезжать! А сейчас хотя бы взять, наконец, тряпку и распроститься с солнышком!

Телефон залился длинной трелью, и Карина бросилась к нему, больно стукнувшись о кухонную дверь. Ошиблись номером. Дура! Вот дура-то!

Плотников после отъезда звонил пару раз, рассказывал, как устроился. Карина передавала привет от Иринки, сообщала, что аккуратно платит за квартиру и свет, как договаривались, что на работах полный загруз, – а больше, собственно, говорить было не о чем, да и дорого, наверное. Чего же так кидаться к телефону? Сейчас она еще нашла бы что сказать?!

Солнце уцелело, Карина только задернула его шторкой и поскорее легла. Все, отключить голову. Днем здесь можно спокойно работать, как обычно, сидеть за компьютером хоть до ночи. Но вот когда наползает ночь... Эту пустоту не заполнишь никаким телевизором! Самое разумное – уснуть. И самое невозможное. Уже понятно, что сейчас потянется эта мусть из обрывков мыслей, воспоминаний – и какое же все тошнотное! А если принять снотворное, тошнотным и мутным будет и следующий день, который неизбежно пойдет комом...

И вдруг Карину озарило. Это она не мучается, это она так спит! И сознание того, что ход вещей не нарушен, что она добросовестно исполняет то, что положено, – отдыхает перед трудовым днем, одновременно успокоило и насмешило. Конечно, она спит! И завтра никто не повесится, а все встанут и пойдут умываться, а потом на работу... утром никто не вешается... а ночью все спят... а в новом жилище – еще крепче...

Лето уходило, но с квартирой ничего решить не удавалось. Аня видела это по лицу Карины, все более утомленному и напряженному, и отмахивалась от ее добросовестных пересказов, что сделано за время с их предыдущей встречи.

Иногда надо просто развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Да ну тебя с твоими отчетами! В конце концов, как есть,

так и ладно. Живи где живешь, пока есть возможность. А летом везде глухо, потом подберешь что-нибудь... Ты лучше знаешь что? У тебя эта суббота – выходной? Приезжай просто так! Что ты все по делам!

Карина приехала продлять регистрацию – периодически приходилось повторять эту процедуру. Илья один раз, провозжая ее в Белогорск, осторожно пошутил: «Замуж, что ли, тебе за гражданина выйти, чтоб скорее стать гражданкой? Если хочешь, я готов». Наверное, он сам не слышал, как дрогнул голос на последнем слове, – и Карина, мгновенно вспомнив его многочисленную родню со сложной системой прописки и квартировладения, ответила очень серьезно: «Выйти, чтобы стать гражданкой, я не готова. Я лучше поезжу в Белогорск, мне это в радость».

– Выходной? Ну и отлично! Давай на природу выберемся, воздухом подышим. Моя двоюродная сестра с мужем дом собрались покупать в поселке Сосновый Бор, по случаю прибавления семейства. Просят вместе с ними посмотреть, составить компанию. А Вадима моего не вытащишь никуда, сама знаешь. Давай потопчемся там немного из вежливости – и смоемся, и гулять!

УТРО В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Сосновый Бор – и поселок, и кудрявый лесок на холме – хорошо было видно от станции. Карина сразу заметила ориентир на склоне – большую сосну с раздвоенной макушкой. Там назначена встреча, а добираются все своим ходом. Пешком – всего ничего, минут десять наверное. Не лезть же в маршрутку. И поспешила по тропе.

Наряжаться ради Аниных родственников она не стала: прогулка по лесу – не театр. Джинсы и кроссовки – то что нужно. Москва отучила Карину от некогда любимых шпилек и мини-юбочек и заставила одеваться применительно к общественному транспорту и изматывающим будням. Единственным ее украшением была светлая шевелюра, похожая на осенние пряди, уже заметные в августовской листве. К этому цвету волос она тоже успела привыкнуть.

Раньше прическа была темно-каштановой, с шелковистым блеском. После рождения Иринки Карина с недоумением заметила несколько серебряных волосков – впереди, на висках, на самом видном месте! Ну да, роды были тяжелые, но чтобы поседеть в двадцать с небольшим?! Это разве что Эраста Петровича Фандорина украсило в таком возрасте! Вот и муж захохотал: «Эх ты, старушка!» В общем, пришлось этот позор нещадно выдрать. А потом количество скверных волосков – после развода, неудачных поисков ра-

боты, хождения по мукам уже здесь – стало увеличиваться, причем катастрофически. Радикальные методы уже не годились – пусть волос много, но нельзя же выдрать полголовы.

И Карина поступила еще радикальнее. Она коротко постриглась и стала блондинкой. И это неожиданно подошло к ее янтарно-карим глазам и смуглой коже. Из зеркала смотрело совершенно незнакомое лицо: яркое, загорелое, словно только что с курорта или из солярия. Даже выражение его изменилось и перестало быть испуганно-обреченным – блондинка в зеркале была вполне уверена в себе. Продавщицы перестали подсовывать плохой товар. Прохожие стали охотнее сообщать время и указывать дорогу. Все чаще с теми же вопросами обращались к самой Карине. Лицо из зеркала ясно давало ей понять, что она приехала сюда отнюдь не прозябать на обочине жизни и что у нее на самом деле очень много сил.

...Она шла уже минут двадцать, а сосна на холме, до которой рукой подать, никак не приближалась. Наверное, лучше было сесть в маршрутку! Вот неудобно, все сейчас соберутся, а ее нет. И теперь уже ни на чем не доедешь, тропинка идет вдоль озера, далеко от дороги.

Еще через десять минут Карина запаниковала. Холм наконец приблизился, но на него еще подняться надо! Он крутой, тропа вьется в обход. Даже если бегом побежать – все равно она уже опоздала и заставила себя ждать! Да вон они наверху – несколько человек и Аня, гладко причесанная, но

вся в кудряшках, как овечка, от влажного утреннего воздуха. Говорят о чем-то, указывая в сторону станции, а ее не видят. Конечно, Анька вынуждена оправдываться! Карина уже схватилась за мобильник – сообщить, что на подходе, что спешит изо всех сил, как вдруг увидела еще одну тропинку. Едва заметная, она уходила резко вверх. «Раз кто-то по ней ходит, значит, и я смогу! – обрадовалась Карина. – Это же раз в пять короче!»

Сначала можно было подниматься, цепляясь за кустики. Потом – за пучки травы. А потом подъем стал почти вертикальным, и цепляться было уже не за что. Карина упорно карабкалась дальше почти на четвереньках, понимая, что вернуться вниз вообще нереально.

Да, вот это занесло! И без альпинистского снаряжения... А зимой, говорят, где-то здесь на горных лыжах тренируются... Чему же удивляться – в Белогорске и должны быть горы... Белая Горка, Зеленая Горка... Должно быть, это какая-нибудь из них... Умный в гору не пойдет... Вот сейчас она вылезет на люди – растрепанная, красная, руки в земле – если вообще вылезет...

Собраться с силами – последние шаги!

С края обрыва протянулась рука и вытащила ее на поверхность.

Поблагодарив кивком мужчину, так вовремя оказавшегося в нужном месте, Карина кинулась к Ане с извинениями и объяснениями.

– Откуда ты взялась? – обрадовалась та. – А мы тебя с той стороны ждем! Тебя и еще хозяина дома, Лончинского, – что-то его нет до сих пор.

– Уже хотели начать без него, – вставила стоящая рядом с Аней маленькая женщина, в сарафане для беременных, похожая на серую мышку, – наверное, та самая двоюродная сестра. Будущая домовладелица. – Но там дачники сейчас живут, неудобно вламываться. Света Королева, – представилась она.

– А потом решили: пусть его опаздывает, погуляем – такой день хороший! – продолжила эффектная брюнетка – и тоже, кажется, в положении. – Ой, Карина, это ты? Совсем не изменилась! Пойди к роднику, попей – ты же совсем запыхалась! Мы, кажется, никуда не торопимся.

Карина узнала Иру Голубеву – в прошлом году они вместе ходили в молодежный хор. Она тогда водила дочку в Дом культуры на танцы и сама заодно занималась, чтобы просто так не сидеть в коридоре.

– Здесь что, только мы не беременные, или мне показалось? – спросила Карина, напившись и усаживаясь на лавочку. Они с Аней оказались одни и могли свободно поболтать. Родничок бежал по желобу из-под живописного белого камня, рядом под навесом были устроены добротные деревянные скамейки, вверх на тропу вели удобные ступени. Перила и спинки скамеек украшены резьбой – сосновые шишки и совы с большущими глазами. – Как здорово! Совушки...

Надо же, а я здесь не была никогда.

– Не показалось. Только Королёвы уже третьего ждут, а Голубевы – первого. Да ты, наверное, Иру помнишь – она редактор местной газеты, в музее у нас часто бывала, а ее муж с моим Вадимом работает. Они здесь живут – я, если честно, так завидую. Каждый день видят сосны, к роднику ходят. Мы их здесь и встретили. Правда, вкусная вода? Многие даже из города за ней приезжают. А здесь всё еще Головин устроил так красиво – художник, довольно известный, где только не выставлялся после перестройки – в Европе, в Америке...

– Головин? Что, потомок того художника, который в Серебряном веке?..

– О, какая ты подкованная! Нет, это наш, местный гений. Неужели я не рассказывала? Он здесь, на Белой Горке, жил. Одну из улиц в поселке всё собираются назвать его именем. А к концу жизни он занялся резьбой по дереву, корневой скульптурой – коряги такие, в фигуры превращенные. Это его совушки, отлично сохранились. Даже у местных хулиганов рука не поднялась... Да неужели я тебя сюда не приводила?

– Когда же это у нас было время в походы ходить?

– И правда... А хочешь, еще выше поднимемся? Передохнула немного? Оттуда вид замечательный.

А на Карину снизошло такое умиротворение, так блаженно было просто сидеть в тишине, под защитой горы и деревьев, и казалось, что побыть здесь можно долго-долго и что

она давно должна была сюда прийти. Обыденность с постоянной спешкой и карабканьем вверх отступила и стала до ненужности далекой. Да, можно позавидовать тем, кто каждый день видит сосны! И тут же захотелось пойти побродить по этому непривычному, приветливому миру. Кажется, родная земля и впрямь ничего, если забраться повыше.

Махнув рукой Аниным друзьям, они пошагали по склону среди сосен, а те остались ждать пропавшего хозяина дома. Мужчины пытались с ним связаться и напряженно тыкали в мобильники, а женщины обсуждали плюсы и минусы жизни в поселке по сравнению с городом.

– А дороги зимой нормально чистят? – тревожно спрашивала Света Иру, уже сомневаясь и в том, что увидит обещанный дом, и что обосноваться здесь – разумное решение. – А перебои с электричеством часто бывают? А Интернет вы провели?

– Ну, Свет, – успокаивал ее муж, – здесь же не Сибирь – вон он, Белогорск, в трех шагах, и тут все точно такое же, и водопровод, и дороги.

Прострекотала электричка, и Света еще больше встревожилась:

– Как шумит! И часто они ходят? А еще ведь поезда громяхают! А ветер – тут что, всегда так дует?

Со склона сбежали Аня и Карина, и было слышно, как Карина восторгается:

– Какая красота! Смотри, электричка стрекочет – так здо-

рово, так оживляет! Без нее было бы пустовато, да? А ветер какой свежий, замечательно!

Анины друзья расхохотались, Карина смутилась, а Света, уставшая от ожидания, спросила, не дошли ли они до улицы Главной и до этого легендарного дома.

– Нет, – ответила Аня, – не хватало еще заблудиться в дебрях. Я только хотела Карине показать, какой чудный вид с Белой Горки – и озеро как на ладони, и город, и усадьба.

– Там, среди сосен, замечательный дом, – добавила Карина. – Выплывает, как корабль. Уж если покупать, то такой.

Все снова радостно захохотали, и Карина, совсем смешавшись, решила, что лучше помалкивать и даже из приличия не поддерживать разговор с этими странными Аниными друзьями. А те дружно начали что-то объяснять, указывая пальцем на мужчину в серой куртке, вокруг которого вертелась рыжая дворняжка, – того, что протянул ей руку на обрыве. Карина с самого начала обобщила мужчин как мужей Аниных подруг и только сейчас сообразила, что третий – лишний. Должно быть, пришел за водой и встретил знакомых. Он был постарше остальных, но все называли его запросто, Володей.

– Не думаю, что ты когда-нибудь расстанешься со своим кораблем! – улыбалась Ира, а тот, подтвердив, что продажа не планируется, пригласил:

– А пойдемте пока ко мне. Дамы передохнут. Сколько вам еще тут топтаться?

Все охотно двинулись за ним, тем более что наконец удалось связаться с Лончинским – он застрял в пробке, и ждать его было лучше в комфортных условиях.

Все – за исключением Ани. Она продолжала стоять на месте даже после того, как Володя довольно приветливо спросил ее о муже, о сынишке и пообещал какой-то необыкновенный цветочный чай. Карина удивленно воззрилась на подругу – она ли это, всегда такая любезная, тактичная, старающаяся никого не обидеть? Вообще-то они собирались смыться, но вроде рановато.

И Аня нехотя пошла следом за компанией, бросив Карине:

– Что ж, увидишь дом знаменитого Головина. Может, даже мастерскую покажут. – И прошипела, кивнув на маячившую впереди Володину спину: – Его сын. Наследник.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ

Дом-корабль стоял в стороне от поселка, почти в лесу, и в самом деле словно плыл среди сосновых стволов, золотых и розовых на солнце. Большие окна второго этажа смотрели на восток и ловили лучи, превращаясь в слепящие пятна.

«Наверное, там мастерская», – подумала Карина, заходя последней – шустрый рыжий пес обнюхивал всех у крыльца, и неприлично было пройти мимо, не поздоровавшись с ним должным образом. К тому же как это приятно – собачьи нежности, шелковые уши, шелковый язык, мокрый нос, умная головушка! В детстве у нее был свой такой дружок, и уж никак тогда не думалось, что ее жизнь и тем более жизнь ее ребенка может пойти без собаки...

Просторная гостиная была в зеленых и золотисто-соломенных тонах, как сад за окнами. Гости шумно устраивались на креслах и диванах, и по разговору было件нятно, что все давно и хорошо знают и друг друга, и хозяина. Карина, словно в начале спектакля, стала наконец различать, кто есть кто, и кто чей муж, и кто такой Володя – хотя, что касается последнего, мужчин одного с ней роста она вообще не замечала. Чтобы оказаться ею замеченным, следовало быть красавцем брюнетом, как бывший муж, музыкальным и артистичным, или юным гением и ярким блондином, как бывший Илья. А Володя к тому же был в таких поношенных джин-

сах, что никак не тянул на капитана дома-корабля, и странно было наблюдать, как он по-хозяйски расхаживает и дает распоряжения насчет чая то ли домработнице, то ли тетушке по имени Зина. За хозяина дома, обставленного дорого и со вкусом, скорее можно было принять Светиногу мужа Аркадия, веселого и упитанного – настоящий владелец колбасного завода и сети продуктовых магазинов и кафе. Или Романа Голубева, породистого, с интеллигентно-ироничным лицом. Кажется, он директор научно-производственного объединения, в котором работает Анин Вадим.

Тетушка с пышной чернильной прической, маленькая, толстенькая, но юркая, как хомячок, принесла чай. Он и правда оказался вкусным – с липой и зверобоем. Желавшим предложили напитки покрепче, компания повеселела. Поговорили о докторе Лончинском, который перебрался в Москву, найдя работу в хорошей клинике, только вот дом никак не продаст, второе лето сдает дачникам. Обсудили, что лучше – покупать обжитой дом или строить новый. С хохотом согноли хозяйского кота, прыгнувшего прямо на стол. «Берегитесь, не вздумайте погладить! – предупредил хозяин. – Он стр-рашно любит гостей, кого смог, уже исцарапал и съел!» Посмеялись над недавним присоединением поселка Сосновый Бор к Белогорску – теперь в городе есть улица Главная, и находится она почти в лесу. Похвалили чай, коньяк, хозяйина, тетушку, варенье, печенье, комнату, камин. Вспомнили о старом хозяине, захотели посмотреть его мастерскую – она

же там, наверху, с большими окнами?

– Давно уже нет, – пожал плечами Володя. – Отец, когда занялся деревянной скульптурой, перенес ее вниз – не будешь же бревна на второй этаж таскать. А наверху я все давно переделал, да и внизу тоже. А работы всегда все просят посмотреть – так их не осталось. Разве что лестница на второй этаж – это его перила. Совы и шишки, как на роднике, – узнаете?

Вот так наследник, подумала Карина. Все переделал, работ отцовских не оставил: кажется, она теперь поняла осуждающий взгляд искусствоведа Анечки. Но компания, ничуть не пожалев об утрате мастерской, больше заинтересовалась как раз переделками, и хозяину ничего не оставалось, как гостеприимно пригласить всех наверх.

– Там, кстати, из мемориального остался кабинет с библиотекой. Пыль веков, я туда редко захожу. Кого интересует – милости просим.

Все дружно затопали по лестнице с резными перилами, мужья бережно поддерживали не в меру резвых женушек, и теперь уже Аня оглянулась на подругу:

– А ты что?

Карина опять опустилась на диван – после чая не было сил шевельнуть ни рукой ни ногой. Все-таки лихая пробежка по горам, по долам дает о себе знать.

– Знаешь что? Я вас тут подожду, а еще лучше – выйду на воздух, а то как бы не уснуть. А в кабинете я прекрасно

знаю, что будет – письменный стол, старинный, громоздкий, может, даже с зеленым сукном. А в библиотеке – книжки.

– Ну ладно, – неуверенно согласилась Аня.

– А еще там пара комнат, одна хозяйская, одна собачина, – хулигански подмигнула ей Карина и продолжала фантазировать: – А на север или на запад должен выходить балкон, просторный, длинный, как галерея, – чтобы летом чай пить на прохладе! – И примолкла.

Хозяин дома, который, по ее расчетам, уже должен быть с гостями наверху, переглядывается с тетушкой, и вид у обоих какой-то растерянный. Вот опять черт дернул за язык! Они, наверное, привыкли, что художником и его покоями все интересуются трепетно, а она о Его Кабинете так небрежно... Ну что теперь – дать обет молчания, набрать в рот воды, чтобы никого не обижать? Или уже поздно?

Ушли наконец.

Карина откинула голову на диванную подушку. Рядом на стене висел гобелен: по выцветшему зеленому полю разбросаны перелески и ручейки, бегущие олени и зайцы скрываются от всадников с луками, нарядные дамы прогуливаются с галантными кавалерами, неподалеку замок. Все видно с птичьего полета, как на средневековой картине. Она устроилась поудобнее. Какой уютный мирок! В нем нет изнуряющей работы ради куска хлеба, нет отчаяния, одиночества – а только кокетство и ухаживания, радость скачки и охотничий азарт, шелест юбок и нежный шепот... Даже смерти нет – ни

одна стрела не попадает в цель, разве что стрелы Амура, и охотники все мчатся и мчатся за своими оленями...

Кот прыгнул на диван и осторожно приближается – пышный, черный, в белых чулочках. Ты, говорят, кусака? Да нет, ты кот-баюн, так сладко мурлычешь... сладкий кот... А вон на гобелене олень у водопоя... самое интересное – такие не сразу заметные детальки... А вон всадник и всадница отдельно от всех, под деревьями, и он обнял ее одной рукой... Ах, вот так ты любишь – обнять лапками шею... только хвост убери от лица – щекотно...

Карина очнулась от чых-то голосов. Не открывая глаз, услышала шепот:

– Если она пошевелится, он ее сожрет.

– Да нет, он сам к ней улегся. За шею обнял. Что это с Кошаней?

– Не знаю. Как думаешь, будить или нет?

Кого-то собираются будить. Когда Карина сообразила, что ее, – а значит, она спит! – ее подбросило. Растерянно глядя на хозяина с тетушкой, она забормотала, что встала в половине седьмого, что в электричке все время пели и играли – то на баяне, то на гитаре, то на балалайке – и не дали поспать, что она долго шла пешком и очень устала и, наверное, поэтому... Потом, сообразив, что никому ее излияния не интересны, Карина запнулась, замолчала – а Кошаня продолжал висеть на шее, не собираясь слезать, да еще нос в ухо уткнул, и приходилось нервно его гладить.

– Это ужасно – так рано подняться в выходной, – сочувственно проговорила тетя Зина. – А у нас еще воздух особенный – дачники с непривычки спят целыми сутками. Вот поселитесь – сами оцените.

Карина опять смутилась, поняв, что ее перепутали с состоятельной дамой, покупающей дом, начала объясняться и прощаться одновременно, а тетя Зина во что бы то ни стало захотела еще раз напоить ее чаем – на дорожку:

– Вам ведь еще до вашей Москвы два часа добираться! – и пошла на кухню.

Как же это Аня о ней не спохватится, не вернется, не спасет! И Карина снова начала оправдываться, указывая на галлантный гобелен и пятясь к выходу:

– Засмотрелась – и заснула, сама не понимаю как.

– Конечно, – согласился хозяин, – я сам в детстве любил его разглядывать, по вечерам. Пока пройдешь по всем тропинкам, по мостикам, пока до замка доберешься – не заметишь, как заснешь. Мне этот гобелен специально над кроватью вешали.

– А у меня, – оживилась Карина, – висел огромный восточный ковер! Там узоры абстрактные, но можно вообразить, что это дороги, горы, леса, а середина – большой город вокруг озера или моря. И я должна была пройти из угла в угол, по диагонали – но так, чтобы везде-везде побывать. А по дороге всякие приключения – интереснее любой книжки или фильма... А у вас еще лучше, все картинки настоящие!

Дальше было что-то непонятное. Вместо того чтобы бежать догонять Аню и компанию, Карина продолжала разговаривать с Володей, а потом пила с ним и тетей Зиной чай, как будто это и было целью ее поездки. Как тогда на роднике, все стало хорошо само по себе, и не стоило никуда мчаться, волноваться о чем-то. И такие же резные совушки глядели большущими глазами Кошани.

Карина вынула дребезжащий мобильник и спокойно выслушала Аню, сбивчиво объяснявшую, как их найти.

Во дворе повсюду цвели осенние гладиолусы и георгины.
– Это тетя Зина, она бы и на крыше насажала, – пояснил Володя, провожая гостью до калитки. – А вы какие цветы любите?

– Здесь сирень красивая, – ответила Карина, – но она так недолго цветет.

Дальше надо было прощаться и сворачивать на ту самую Главную улицу, но из-за поворота вдруг вылезли колючие заросли – должно быть, те дебри, в которых Аня боялась заблудиться. Карина невольно оглянулась на своего провожатого, и он тут же сказал:

– Я провожу. Тут заблудиться недолго, если первый раз.
Заросли оказались ежевикой со множеством блестящих черных ягод – это разрослись кусты на заброшенном участке. Дальше начиналась просторная ухоженная улица, а навстречу им спешила Аня.

– Слава богу! А я сначала думала, что ты на улице, потом –

что ты ушла сюда со Светой раньше нас... Наконец-то подъехал этот Борис Иванович! Давай распрощаемся да и пойдем уже, что ли!

Аня, поняв, что потеряла подругу, кинулась ей звонить. Вся компания наконец добралась до того самого дома, но ей было уже не до этого. Что за затмение на нее нашло? Что за дурацкие идеи иногда приходят ей в голову? Пригласить бездомного человека смотреть на чужие дома! Одинокую женщину, оставленную беспутным дружкой, – любоваться чужим счастьем и полнотой жизни, беременными женщинами с мужьями. Бедная Карина! Развеелась, называется! Наверное, десять раз пожалела, что поехала. Лучше бы выпалась как следует...

Но Карина быстро нашлась и совсем не выглядела ни печальной, ни обиженной.

– Да ладно тебе, Анька! Как же это мы уйдем и не увидим легендарного дома? Слышишь, как там весело? – Она оглянулась – Володи уже нет, и первая поспешила к дверям.

Ну да, как можно ее увести – она ведь совсем лишена человеческого общения, тут же снова упрекнула себя Аня. Там, в этой Москве, на работе все только работают, и никто друг другом не интересуется. Все экономят время и энергию, разрываются на подработки, а транспорт выматывает окончательно. Карина за год жизни в столице завела меньше знакомств, чем за три месяца работы в их провинциальном му-

зее. И с таким удовольствием всегда слушает последние новости! Она такая коммуникабельная, вот и здесь тут же со всеми перезнакомилась, и с девочками щебечет, и кавалеры вокруг нее уже выются – и Борька Лончинский, и его друг, красавчик Пашка, который его так долго и мучительно сюда вез.

Аня наконец успокоилась. Кажется, она не виновата. Выходной все-таки состоялся, Карина в самом деле развеялась. Компания, совсем сплотившись, затянула «Подмосковные вечера», потом «Дорожкой длиною», потом еще что-то из народного репертуара.

Провожать себя на электричку Карина запретила, чтобы Аня могла вернуться домой с Королевыми, на машине, без лишних хлопот.

Но проводы состоялись.

На платформе стоял Володя с букетом сирени.

– Где это вы ее нашли?! – изумилась Карина.

– В городском парке нарвал, – был ответ.

Карина, закрывшись букетом, вошла в вагон. Обернулась – двери закрылись, а ее провожатый все стоит, не отводит взгляда – и ее собственный взгляд неожиданно дрогнул.

– Я позвоню, – сказал Володя, так же поспешно и успокаивающе, как перед дебрями.

Поезд тронулся. Телефона она ему, конечно, не давала.

СВЕЖИЙ КАВАЛЕР

Конечно, Володя позвонил. В ближайшую пятницу, в конце рабочего дня.

Карина была в двух шагах от Тверского бульвара, где он предложил встретиться, и тут же согласилась – не дав себе труда подумать, а зачем ей, собственно, встречаться с «Володей из Белогорска». Что ж, душа моя, вот на тебя и начали обращать внимание мужчины постарше! Интересно, какие они – в отличие от бывшего мужа-ровесника и салаги Плотникова...

А Володя ее не узнал. Карина уже стояла перед ним, а он все всматривался в толпу – а когда, наконец, увидел, то растерялся – и повисла пауза. Карина сообразила, что его могли сбить с толку ее строгий рабочий костюм и строгая прическа – ничего общего с тогдашним походным внешним видом.

– Я сегодня училка, – пояснила она. – Терпеть не могу пиджаки, но дресс-код, ничего не поделаешь. А детишки – в форме, такая школа строгая.

Самого Володю – все в тех же джинсах и простенькой серой курточке – нельзя было не узнать. А вот букет, который он достал из-за спины, оказался роскошным, вряд ли надраным в городском парке. Карина обрадовалась и на предложение пойти поужинать предложила лучше погулять:

– Я всю неделю просидела в духоте. А с такими розами

хочется идти, идти – и чтобы все прохожие глядели!

И они медленно двинулись по Тверскому. Карина незаметно сняла с волос заколку и расстегнула пиджак, чтобы чуть-чуть изменить угрожающе официальный облик. Володя так легко согласился остаться без ужина, что ей только дома пришло в голову: а может, человек не ел весь день. Он же обмолвился, что приехал по делам, – а когда приезжаешь в Москву и дел больше одного, то оглянуться не успеваешь, как день пролетел, и ты голодный как бобик.

Поэтому, когда Володя приехал по делам в следующий раз, Карина от ужина уже не отказалась. Был только немного неприятный момент перед входом в ресторан – ей вдруг пришло в голову, что их не пустят из-за не совсем цивильной Володиной курточки, но все прошло спокойно. Володя был здесь как дома, показывал ей в меню, что нравится ему самому, и она решила, что здесь, наверное, работает кто-нибудь из его знакомых.

– И по Тверскому, если хочешь, погуляем.

Надо же, запомнил, что ей нравится!

Карина ощущала те же равновесие, уют и защищенность, как тогда, на Белой Горке. Значит, это не атмосфера чудесного источника и дома-корабля? Значит, это сам Володя?

В театре, куда они отправились в следующий раз, он был все в той же серой куртке, наверное любимой, и Карина уже не обращала на это внимания. Сейчас никто не расфуфыривается на спектакли, как на бал. А она, в отличие от многих

женщин, не считала, что ее лучшее украшение – это мужчина, скорее наоборот. Собственное отражение в огромных театральных зеркалах было куда интереснее.

А в модном белогорском кафе «Три пескаря», где публика по вечерам как раз демонстрировала свои гардеробы, их и вовсе встретили как дорогих гостей – и хозяин, Аркадий Королев, муж Аниной кухни, и многочисленные Володины знакомые. Здороваясь, некоторые называли его по имени-отчеству – еще одна особенность мужчин постарше, – но не навязывались с разговорами, не пытались подсесть, а деликатно оставляли их в покое. А в этой харчевне и правда было так спокойно – музыка не била по ушам, мерцали зеленоватым светом большие аквариумы с молчаливыми обитателями, которые бесстрастно обозревали гостей. Три большие пираньи, нарядные рыбки-клоуны, пятнистая мурена, затаившаяся в обломках затонувшего корабля. Карина поинтересовалась у Аркадия, не их ли, выловив сачком, кладут на сковородку, – а тот загадочно отвечал, что это секрет заведения.

И она начала привыкать к Володиным звонкам и приглашениям – то на спектакль, то на книжную ярмарку, то просто поужинать среди недели. А планы на выходные Карина строила уже с учетом Володи из Белогорска – наверняка возникнет и предложит что-нибудь такое заманчивое, что не откажешься. Если же у Карины был свой вариант, он сразу со-

глашался, как тогда, с прогулкой по Тверскому. Это было так непривычно – Илья всегда плыл собственным курсом, и можно было к нему пристраиваться либо оставаться куковать в одиночестве, а для бывшего мужа собственные намерения вообще были священны. Выходные он проводил в пивной с друзьями, и Карина, если присоединялась к ним, не столько пила пиво, сколько ела раков – и что тут такого? Она была своим парнем и долго этим гордилась.

И только теперь обнаружила, что к ее собственным желаниям, оказывается, никто никогда не прислушивался, кроме этого случайного Володи. И это было непривычно – так же как букет.

Володя неизменно появлялся с цветами.

Взбалмошный Илья о цветах вспоминал только Восьмого марта. Они с Кариной провели вместе меньше года – таким образом, ей был подарен один-единственный, уникальный букет.

Бывший муж заявил сразу после знакомства, что цветов дарить не будет. Он предыдущей девушке чуть ли не каждый день их дарил, а она вышла замуж за другого, да еще сказала презрительно: «Подумаешь, ты мне цветы таскал, а он мне дал все!» Поэтому он больше никому таскать цветы не будет. А вот шоколад может. Какое дело было Карине, черт возьми, до всяких бывших девушек! Но все это, в конечном счете, условности, и над этим можно было если не посмеяться, то поиронизировать. К тому же Карина любила шоколад.

А теперь вдруг оказалось, что она любит и цветы и рада их наполучать за все прошлое и настоящее. И чтобы весь Тверской бульвар это видел!

К концу теплого, головокружительного сентября Карина спохватилась и, хотя Володя не торопил события, решила осторожно прояснить, к чему все эти культпоходы, прогулки, обеды и ужины. До дома кавалер провожает – кстати, у него очень хороший БМВ – и любят же мужчины эти игрушки, лучше крутую тачку себе купит, чем приличные штаны! – а дальше не навязывается. Как в компьютерной игре – прошел очередной уровень, а на следующий почему-то не спешит. Конечно, это могут быть издержки воспитанности, все-таки в таком культурном доме вырос. Или ждет более удобного момента?

Володя неопределенно улыбнулся и пояснил, что друзья, коллеги, родственники – в общем, весь Белогорск – азартно желают вторично его женить и постоянно подсовывают разные кандидатуры. Это настоящая многолетняя осада, страшно оказаться в гостях или просто в компании – где бы он ни появился, начинают деятельно устраивать его судьбу.

– А теперь все отстали. Ты тогда была у меня дома, и одни это видели своими глазами, а остальные тут же узнали от них. И решили, что ты моя девушка. И оставили наконец в покое!

Последняя фраза была сказана так радостно, что Карина, которой до этого смутно казалось, что ей скормливают ска-

зочку про белого бычка, тут же в нее поверила. Невестам, наверное, виднее, сколько там ему денег от папы осталось. Конечно, художники все больше нищие, особенно при жизни, живут на чердаках и пьют горькую. Но от Ани было известно, что Глеб Головин при жизни как раз преуспел, работал много и денежно – и портреты известных людей писал, всяких там сталеваров и героев соцтруда, и монументальной живописью увлекся, и на деревянную скульптуру для души его хватало. И от властей заказы получал, и на Западе прославился – в общем, швец, жнец, игрец. Должно быть, было что оставить единственному сыну... А уж то, что для Володи одного штампа в паспорте оказалось достаточно, тем более было понятно.

Что ж, если этот замечательный поклонник не собирается ее домогаться и надо всего лишь время от времени мелькать с ним на людях – почему бы, собственно, и нет? Она же так любит букеты, знаки внимания. И не сидеть же ей в четырех стенах, как старухе, рыдая по Илье! А с Володей так легко, а сама она ведь свой парень!

– Ладно, я тебя прикрою! – со смехом пообещала она. – Мог бы и сразу сказать!

И Володя продолжал появляться по выходным и среди недели. Карина знала, что он работает в Белогорском НИИ – наверное, в Москву в командировки посылают. Подробнее спрашивать было неудобно – ведь она сама почти сразу пре-

секла любые разговоры о делах.

Заезжая за ней то на Кузнецкий Мост, то на Новый Арбат, то в Медведково, Володя удивлялся, сколько же у нее работ, и Карина ловила себя на том, что начинает увлеченно об этих работах рассказывать. Прямо как с Ильей, когда они взахлеб обсуждали свои наполеоновские планы и достижения! Ее передернуло. Нет уж, никаких дежавю! Вот так она тогда и к Плотникову все-таки привыкла! Впускание в душу всегда и начинается с такой вот лишней болтовни! Совершенно необязательной для Подружки Напоказ!

– Знаешь, у Ани Семеновой, моей подруги, – мягко сказала Карина, – есть очень хорошая традиция – они с мужем никогда не говорят о работе. О профессиональных проблемах, о склоках с коллегами, об отношениях с начальством. Я думаю, это правильно. Во-первых, неприятности еще раз не пережевываются, во-вторых, меньше поводов для кухонных войн, да и просто больше шансов отдохнуть – как по-твоему?

И вопросов о делах больше не возникало, рассказами о собственных Володя тоже не грузил. Как же хорошо, когда намек достаточно, радовалась Карина. Наверное, это особенность мужчин постарше, с годами все-таки умнеют.

И они говорили о погоде, о музыке, которая пищала в машине, о фильме, который только что посмотрели, о сегодняшнем ужине, о Москве – кто какие любит бульвары и улицы, – и Карина в самом деле отдыхала. Они были просто люди, без привычных профессиональных скафандров, без гру-

за обязательств и обязанностей, без сносок на общие знакомства – Карина прожила в Белогорске всего несколько месяцев и хорошо знала только Аню, публика, мелькавшая в «Трех пескарях», ничего для нее не значила.

И когда она возвращалась в пустую квартиру, пустота почему-то больше так не оглушала.

А в одно из воскресений удалось увидеться с Аней, и та неожиданно покаялась:

– Кариночка, я страшная дрянь. Я знаю, меня убить мало. – И развела руками: – Я без твоего разрешения дала этому гаду Головину твой телефон!

– Так это ты! – вырвалось у Карины, и Аня заторопилась:

– Я сама не понимаю, как это вышло! Я же не сумасшедшая! И как он сумел так меня заболтать? Позвонил на другой день после нашего похода на Белую Горку, чуть не в семь утра, разбудил, наплел, что ты что-то там у него в доме забыла. Я даже не поняла что! И что он поедет на неделе в Москву и мог бы тебе завезти... Ты веришь, что я поверила? Я подумала, что сама ты когда еще сюда приедешь, а я к тебе сто лет не выберусь... Пусть завезет, какая ему разница... А что ты у него забыла? Опять зонтик, да?

– Да ничего я не забыла. Ладно, Ань, из-за пустяков убиваться, – махнула рукой Карина и поинтересовалась: – А почему Головин гад – кроме того, что разбудил в выходной? Ты еще в гостях была с ним так строга.

Анино лицо из виноватого стало серьезным.

– Жлоб, каких мало, – помолчав, сказала она. – На самом деле природа решила отдохнуть, так хоть бы отцовский талант уважал. А он, когда тот умер, все его работы – картины, скульптуры, даже эскизы – всё подчистую продал, до последней бумажки. И как, главное, продал – как сволочь последняя! – все на сторону! Практически все за границу уехало, в родном городе клочка не осталось. Как его просили хоть что-нибудь подарить нашему музею! Купить же тогда невозможно было, денег не выделяли совсем! Все к нему ходили на поклон! Мурашова ходила, Калининков, друг отца! – Аня называла одно за другим имена музейщиков, художников, видных людей города, а Карина обескураженно слушала.

«Жлоб» и «сволочь» – из уст рафинированной Анечки! И как все это не вяжется с покладистым, непритязательным Володей! Что же Аня скажет, узнав, что она с ним встречается?

– Да, а он тебе тогда позвонил? – вспомнила Аня. – Чего ему было надо?

– Мы с ним ходили в ресторан и в кино, – созналась Карина. Что толку скрывать-то?

– Ну, ты же о нем ничего не знала! И тебе надо же было развеяться! – тут же оправдала подругу Аня и насторожилась: – Слушай, а он тебе голову не заморочил? Да что это я, это я так... Он, конечно, не Казанова, куда ему. Но вдруг ты решила клин клином вышибить?

– Анечка, – честно сказала Карина, – Володя не клин.

– Да? Ну и слава богу! – обрадовалась Аня.

Ну а если бы это было так? И потом, что считать деньги в чужом кармане – он же, в конце концов, свое наследство продал, не украденное, перед кем ему отчитываться!

– Ань, а он вообще ничего, – попробовала Карина переубедить подругу, но Анин взгляд ее остановил – жесткий, непримиримый – она такого еще не видела.

– Когда Вадим полгода сидел без работы, и везде искал, и везде спрашивал, хоть что-нибудь, ты помнишь... Ему помогали все, кто советом, кто просто сочувствовал... И вот нам сказали, что в отделе медицинской техники есть место, и Вадим спросил Головина – а тот сказал, что никакого места нет. А на завтра туда взяли кого-то! А мы в это время копейки считали и ужинали через день! А Егор ходил в старых ботиночках соседского мальчика! И в его штанишках, тоже старых! Вадим сейчас с Володькой работает и зла не помнит, он вообще человек, каких мало... А я этого гада видеть не могу! – Аня старалась говорить ровно, но голос то срывался, то взлетал. Она заключила: – А впрочем, может, Головин и ничего. Своих детей нет, а чужих чего жалеть!

Карина приуныла. Она помнила, как Егорушка ходил в чужих ботинках, а Анька взялась подметать за три копейки, чтобы хоть как-то остаться на плаву. Неужели внимательный, заботливый Володя правда приложил к этому руку?

Может, ну его к черту со всеми букетами?

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Карина шагала к переходу с Кольцевой, уткнувшись в схему метро и соображая на ходу, сколько времени ехать до «Академической». Она должна встретиться там со своим заказчиком-студентом и передать выполненный перевод, не выходя из-под земли, у первого вагона от центра. Двадцать минут в запасе, нормально. Куда теперь, направо или налево?

Свет погас, когда она стояла, задрав голову к указателю.

Карина сразу поняла, что он не мигнул, а именно погас и больше не загорится. Сердце сдавило: это то самое, что само решает, когда ему вмешаться в твою жизнь. Теперь досадуй сколько хочешь, что могла бы в это время оказаться где угодно, кроме гиблого места, – но судьба тебя уже выбрала. Кто-то другой на этот раз будет смотреть новости и радоваться, что это произошло не с ним.

Она заозиралась во мраке, пытаясь сообразить, где на этой незнакомой станции выход в город. Скорее наверх! Но так решила не только она. Со всех сторон начали толкать, и пришлось двигаться по течению, стараясь сохранять равновесие. Замигали огоньки мобильных, но это мало помогало. Люди шумели, многие кричали, пытаясь дозвониться близким и сообщить о себе.

Карина сразу ощутила десятки метров земли над головой.

Нет-нет, только не оставаться под ними, во что бы то ни стало пробираться наверх! А в голове роились встречные мысли, смешанные с картинками из фильмов ужасов: а что там ждет, когда – если – выберешься? Может, там уже и нет никакой Москвы? Теракт, ядерная война – ведь может быть все что угодно!

Резкий толчок отбросил Карину к мраморным пилонам, кто-то сбоку надавил – в глазах стало еще темнее, чем вокруг. «Расплющат, а потом затопчут!» Она изо всех сил старалась вернуться в середину течения, но плотный поток тек мимо, все сильнее вдавливая ее в камень.

Еще толчок – и она летит куда-то, где свободнее. А ведь за пилонами край платформы, сообразила Карина. Но невидимая рука поддержала ее сзади за локоть. Она устояла на ногах и заторопилась. Подальше от страшной ямы с рельсами, назад в толпу! Кто же там, позади, такой добрый в такой панике? Ангел-хранитель, наверное, это его место за правым плечом...

Ее опять сдавили со всех сторон, сумка на ремне уехала за спину, тянет назад. Нельзя упустить сумку, там контрольная для студента! Карина упорно вытягивала ремень, одновременно продвигаясь вперед.

Человеческий гул впереди уходит вверх. Эскалатор?! Сумасшедшая радость: она уже на эскалаторе, карабкается наверх по ступенькам! Нужно представить, что это просто час пик и ты идешь с закрытыми глазами... А могло быть еще

хуже, могла застрять в поезде... Глухие своды тоннеля... Вентиляция не гонит воздух... Крысы величиной с собаку... Иринку из школы с красивыми спальнями и добрыми учителями забирают в детский дом... Бывший муж находит ее, берет к себе... У Иринки – мачеха!.. Или не берет, и дочка остается в детдоме... Нет, наверх, наверх! Пусть напирают, тычут локтями, пинают...

Еще на ступеньку вверх! Еще на шаг!

Тусклый свет пасмурного дня за хлопающими стеклянными дверями, снежок, превратившийся в слякоть. Карина остановилась – ноги внезапно стали слабыми, в голове поплыло. Сесть бы, да некуда. Она прислонилась к стене, глядя на площадь, забитую людьми и транспортом. Выбравшись на свет божий, все активно пытаются на чем-нибудь уехать.

Студент! Встреча! Взглянув на часы, Карина поразились: с тех пор как она смотрела на них последний раз, прошла никакая не вечность, а двадцать минут. Все это длилось двадцать минут?! Наверное, она ударила в давке часы – хотя нет, секундная стрелка прыгает. Значит, как раз сейчас она должна быть на «Академической»!

Карина встрепелулась и стала звонить студенту. Только объяснив ситуацию и договорившись встретиться позже, она поняла, что окончательно теряет силы. Чтобы штурмовать автобусы, их явно не хватит. А она-то сгоряча думала, что сейчас все-таки поедет, повезет заказ. Мимо, чертыхаясь, пробежал мужчина и громко сообщил своей спутнице, что

таксисты и частники заламывают астрономические суммы, и что они безнадежно опоздали, и что он не знает, как отсюда выбраться. Разве что пешком.

Карина тоже не знала. Ноги подгибались. Несмотря на свежий воздух, напознала дурнота. Похоже, вселенской катастрофы не произошло, и электричество уже подключили – по проводам ползли рожки троллейбусов, а метро заработало на вход, и кто-то даже туда заходил. Надо было на что-то решаться, а голова и ноги просто ватные. А если она сейчас сползет по стенке и шлепнется в грязную лужу, это будет совсем никуда.

Володя, вспомнила она. Кажется, он единственный, кому можно позвонить. Аня или тетушка ничем не помогут, Илья из Гамбурга – тоже.

– Ты, случайно, сейчас не в Москве? – дозвонившись, спросила Карина и удивилась, как же медленно она говорит.

Володя был не в Москве, но рядом, он сказал, что уже выезжает, и спросил, где она.

– Какое-то метро. Какая-то площадь с троллейбусами и деревьями. А там – памятник, похоже на космонавта.

Карина говорила и одновременно изумлялась, какую чушь она несет. Классический мужик под пальмой. Неужели крыша с перепугу поехала? И как теперь работать с такой головой? Но Володя быстро понял, где ее искать, и вычислил, когда примерно сможет добраться.

Стоять у стенки теперь было легче, Карина старалась не

сползать и не проваливаться в бездонную слабость. Она механически отвечала на Володины звонки – он время от времени сообщал, что уже едет по кольцу, а теперь – к центру, что почти подъехал, но пробки – еще чуть-чуть, держись! Полчаса, еще десять минут, еще пять...

Отключилась она уже в машине...

А придя в себя, увидела Бориса Ивановича Лончинского, хозяина белогорского дома на Главной улице. Он был в белом халате и белой шапочке, и Карина вспомнила, что он доктор и работает в Москве.

– Ну вот и всё! – бодрым голосом загудел он и повернулся к Володе, стоящему у него за плечом: – У тебя что, аптечки нет в машине? Нашатырь мог бы и сам дать! И сам заодно понюхать! Э-э, барышня, не вскакивайте так резко! Опять головка закружится.

Карина медленно села на кушетке, оглядела себя – одежда в порядке, ничего вроде не болит...

– Да-да, жить будете, – подтвердил доктор. – Мы еще песни с вами споем, помните, как тогда? – И, насвистывая «Живет моя отрада в высоком терему», начал мерить Карине давление. – Ну, пониженное, это естественно. Выбрались – и замечательно. Я по телевизору как раз смотрел в новостях – не дай бог попасть, а тут Володя подъезжает, краше в гроб кладут... Его, его, не вас – вы прекрасно выглядите, только бледненькая немножко.

Доктор, убедившись, что у Карины нет ни переломов, ни сотрясения, ни сильных ушибов, пытался убедить Володю, что ее жизнь в безопасности. Но тот почему-то не верил и настаивал на каком-то серьезном обследовании, так что уже и Карина заговорила, что пора ехать. Но Володя продолжал упорствовать.

– Ну, давай кровь возьмем на анализ, – сдался Лончинский. А когда анализ показал пониженный гемоглобин и Карина пояснила, что он всегда такой и она с переменным успехом ест всякие витамины, доктор балагурить перестал: – Возможно, не то едите. Возможно, образ жизни ведете слишком деятельный, истощаете организм. На диете сидите? Работать любите? Ох уж мне эти бизнес-леди! Ты что, не можешь девушку в своем высоком терему посадить? – накинулся он на Володю. – Чего она у тебя скачет по Москве? Есть, что ли, нечего? – Володя забормотал, что может, а Борис Иванович уже отвернулся от него к Карине: – А если это не железодефицитная анемия, а гемолитическая? Ну, организм не усваивает железо – не слышали? Ваш врач такого никогда не предполагал? Знаете, лучше бы сделать подробный анализ. Я прямо сейчас напишу направление. Полиса нет с собой? Некоторые в паспорте носят постоянно...

– Документы в сумке.

Карина спохватилась – а где же сумка, но Володя тут же ее протянул, а доктор похвалил:

– Молодцом, не потеряли в такой давке! – Взял поданный

ему вид на жительство, лицо вытянулось. — А это...

— Получаю гражданство, — спокойно пояснила Карина. — Все получаю, получаю.

Похоже, милосердие доктора сейчас испарится. Не ожидал, что симпатичная барышня на самом деле второй сорт, если не ниже? За свою столичную жизнь она уже насмотрелась на то, как на глазах происходит переоценка переселенки из Таджикистана. Сначала разговаривают как с нормальным человеком, а потом лица вытягиваются, как у доктора. К бедным сейчас относятся с брезгливостью, в том числе ко всяким мигрантам, погорельцам... Не стоило, не стоило давать другу советы насчет теремов!

Но Борис Иванович с честью вышел из ситуации:

— Забирайте свои бумажки, не надо ничего. А вот направление. Явитесь натошак сюда, ко мне, и я провожу, и все сделаем.

Вся жизнь — тошак. Молодец доктор. Карина повеселела: две мысли одновременно, значит, голова в порядке — а это главное! Заработаем кучу денег, оплатим и пилюли, и собственные терема!

Уже в машине она убеждала Володю ехать к студенту, а тот заявлял, что ей нужен отдых и он повезет ее только домой.

— Ты ничего не понимаешь! Если он сегодня не получит свой перевод, завтра ему поставят двойку — и значит, напрас-

но я целый вечер на этот текст угробила! Лучше было бы поужинать в приятной компании!

Кокетство помогло, они отвезли диск с переводом на злополучную «Академическую», и довольная Карина вслух мечтала, как купит Иринке платьице принцессы для новогоднего маскарада. Володю заработанная сумма удивила – он так поднял брови, будто это были совсем уж копейки, и Карина начала его просвещать, что оплата нормальная и даже побольше стандартной – за скорость, – забыв, что они не говорят о работе. Но было уже все равно, потому что второе табу – Иринка – тоже оказалось нарушено. Сегодняшний день засчитывался как фронтовой, и тот, кто вынес ее с поля боя, уже не был случайным Володей.

Они сидели в «Муму», и ожившая Карина смешила своего спасителя, пересказывая вперемежку переводческие ляпы и Иринкин детский лепет, не менее забавный и тоже записанный в рабочий блокнот. В «Муму» они попали, когда оба поняли, что пора поесть, и Володя подъехал к ресторану – но это был другой ресторан, не их обычный, и Карина, мельком оглядев своего спутника, потянула его на другую сторону улицы:

– Знаешь, не хочется сегодня ничего помпезного. Пошли вон туда, там уютно.

В зале играла негромкая музыка, а за окном хлестал дождь со снегом, и прохожие, не взявшие зонтики, пробегали под мелодию из «В мире животных», скользя, смешно

вскидывая ноги и взмахивая руками, словно олени и страусы. И так хорошо было в тепле, так уютно жалеть тех, кто мерзнет и мокнет, и Карине хотелось долго-долго сидеть за дощатым столом, глядя в широкий экран окна, – как у родника, как в доме на Белой Горке. Она чувствовала, что может даже задремать, и ее спутник не поймет ее неправильно.

И пусть весь белый свет считает его плохим – где был весь белый свет, когда ей было плохо?

На этот раз, отвезя ее в Карачарово, Володя поднялся до самой квартиры и помог отпереть дверь – Карина опять ощутила противную слабость и, боясь не попасть в скважину, протянула ему ключ с кенгуренком. Ну вот, кавалер прошел еще один уровень, аж до третьего этажа, вяло пошутила она про себя, слушая удаляющиеся шаги на лестнице.

ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ

– Ну что ж, рад тебя хотя бы услышать. А если в субботу не получается, в воскресенье никак нельзя?

Володя позвонил неудачно – Карина была в учительской, в которую заходить не любила, но совсем не заходить не могла, – и коллеги с любопытством прислушивались, хотя она старалась говорить ровным, бесцветным голосом: да, нет, перезвоню. А ведь он не первый раз пытается узнать о воскресенье – осторожно, но въедливо – чем это она всегда так категорически занята в этот день недели. Что он там воображает, интересно? Что у нее по расписанию – воскресные любовники, предавание тайным порокам, курсы стриптиза? Карина развеселилась, но быстро себя одернула: человеку надо просто выяснить, как планировать свои выходные.

Сам Володя, похоже, никогда не был сильно загружен работой, потому что во времени и пространстве перемещался свободно – ему ничего не стоило приехать в Москву среди недели – как тогда, во время аварии, например. Аня говорила, что в Белогорском НИИ, где работают ее родители и муж, после перестроечной научной катастрофы многие просто числятся по инерции, приходят раз в месяц получить три копейки, а настоящие деньги зарабатывают в других местах. Кто на бухгалтера переучился, у кого торговля пошла, у кого бизнес посерьезнее. А если имеешь возможность прожи-

вать наследство, это вообще, наверное, удобный вариант. И живешь, как хочется, и вроде при деле. Не очень-то достойно для мужчины, но это, наверное, стереотип – что мужчина должен быть добытчиком, самостоятельной величиной. Много ей таких попадалось? Бывший муж больше искал работу, чем работал, для Ильи вся жизнь – игра, полет фантазии. Может, она и сама бы с удовольствием жила на ренту, если бы представилась возможность, несмотря на всю любовь к профессии. А что – спала бы, сколько хотела, водила бы Иринку за ручку, ходила по салонам...

– У меня, понимаешь, по воскресеньям турецкая баня, никак нельзя пропустить, – объяснила Карина, перезвонив уже с улицы. – Ай, нет, все перепутала – не баня, а фитнес, программа на целые сутки, педали кручу. Ой, опять перепутала! На самом деле я хожу на ролевые игры, мы там играем в эльфов, гномов, рыцарей. Иногда выезжаем в лес помахать картонными мечами. Я переодеваюсь в хоббита. Поэтому ты уж ничего на воскресенье не затевай!

Конечно, по телефону реагировать труднее – не видишь ни смеющихся глаз собеседника, ни того, как он корчит рожи, – и Володя, что называется, повелся. Съел и турецкую баню, и фитнес, и лес, и только на хоббитах начал переспрашивать. Илья бы сразу ее расколол! Карине даже неловко стало: наверное, что-то не то с ее чувством юмора, хотя всегда было то... Что же ей, заранее объявлять, что смеяться надо после слова «лопата», или уж совсем не шутить? Но

оно само собой получается как-то. С Плотниковым они постоянно устраивали всякие розыгрыши. А Володя такой серьезный, во все верит, пустяки его не смешат. Наверное, это тоже особенность мужчин постарше. Сейчас посмеялся, но больше над собой:

– Кариночка, я ведь потому и беру всякие билеты, чтобы тебя профессионально развлекали. А если без мероприятий, то со мной можно только уснуть... Ну, то есть... – Дальше он пытался как-то переиначить эту двусмысленность, запутался, а Карина перебила:

– Вов, на самом деле воскресенье – Иринкин день. Я ее или к себе забираю, и мы идем куда-нибудь, где детское счастье – в зоопарк там, на кукольные спектакли. Или в Белогорске остаемся, чтобы по электричкам грипп не собирать. В общем, я приходящая мама. И по воскресеньям ничего не может быть, кроме «Знайки».

– А «Знайка» – это же рядом с Белой Горкой? – оживился Володя. – Бывший санаторный садик для ослабленных детишек, да? Так это от меня в двух шагах! Хочешь, я буду тебя подвозить? Я по воскресеньям все равно ничего...

– Нет, спасибо. Мы можем увидеться в любой другой день. Прилив благодарности за спасение прошел, и Карина поспешила восстановить все табу, особенно касающиеся малышки. Никаких подвозов, никаких знакомств с чужими дядями, никакой игры в семью. Володя – это Володя, а Иринка – это Иринка. Если все четко выстроить, не будет боль-

ше ни душевных травм, ни самообмана. Вот только резковато она меняет правила общения – Володя молчит, ищет, что сказать. Нашел:

– Тогда заходи хоть чаю выпить на обратном пути. Рядом же.

Надо смягчить предыдущую резкость.

– Зайду.

Белая Горка под снегом стала еще наряднее, с зелеными облачками сосен и игрушечными домиками, которые карабкались по склону. Летние тропинки протоптали заново, даже ту, головокружительную, по которой Карина тогда героически лезла. Нет уж, восхождение повторим в другой раз! Нормальные герои всегда идут в обход... А родничок – молодец, бежит, не замерзает! К нему народная тропа тоже не заросла.

От Иринкиной школы сюда идти действительно минут пятнадцать, не больше. Дом-корабль стоит на приколе, застыл, сугробы поднялись до окон. Калитка не заперта. Рядом с ней вышагивает голубь – красивый, породистый, кофейного цвета, кружевные крылышки как молочная пенка.

А по сугробам к дорожке скачет тот самый рыжий пес. Какой несуразный: поджарый, голенастый, с длинным вытянутым туловищем и квадратной лопаухой головой. Как будто собран из разных запчастей – такса, гончая, эрдель – и дворняга, много дворняги! А морда радостная! Вот так сторож.

Кажется, он хочет поиграть. Несется, высоко вскидывая лапы, голубя чуть не сшиб.

– Здорово, красавец! Помнишь меня? – Карина присела на корточки, чтобы рыжий не опрокинул ее в сугроб, и, сняв меховую варежку, протянула руку: – Можно тебя погладить?

– Можно-можно, это же не кот, – ответил за него Володя, появившийся на крыльце. – Этого на кошачьи консервы будут переделывать, а он не перестанет улыбаться. Такое существо – всех кидается облизывать, особенно соседских кошек. Его уже все знают, чуть он за калитку – сразу врассыпную.

Когда Карина поднималась на крыльцо, ей показалось, что сбоку из-за ступенек выглядывает еще одна мохнатая морда. А в прихожей караулил уже знакомый Кошаня. Заглядывает в глаза, переминается на мягких лапочках, а морда самая что ни на есть пиратская – кривой нижний клык торчит наружу. Изготовился прыгнуть...

– Берегись! – Володя попытался перехватить кота в полете, но тот уже расположился у Карины на руках, а она смотрела недоуменно:

– Чего берегись? Киса как киса. Вы и в прошлый раз на него все наговаривали...

– Так он столько народу сожрал живьем! – Володя продолжал не доверять коту и, провожая гостью в комнату, не спускал с него глаз.

В гостиной оказался накрытый стол, на столе – торт. Вот те раз. И радостная тетя Зина-хомячок:

– Как раз чайник вскипел! Наконец-то мы не одни будем Володины именины праздновать!

Карина бросила на Володю укоризненный взгляд: мог бы предупредить! Очень приятно угодить на семейное торжество да с пустыми руками! Но он отмахнулся:

– Да не помню я никогда обо всяких там именинах. Мне и дня рождения хватает. А коллегам и тете Зине просто нужен лишний повод, чтобы вкусно поесть. На работе уже в пятницу все съели.

– Торт лишним не бывает, – возразила Карина, и тетя Зина, довольная ее поддержкой, начала суетиться, угощать и заодно расспрашивать про дочку:

– Жаль, что вы ее с собой не взяли!

– А у них сейчас репетиция – спектакль готовят к Новому году. И меня не пустили посмотреть, это будет сюрприз для родителей.

Тетя Зина, полагая, что мамашкам всегда приятно поговорить о детях, продолжила:

– Я их часто вижу, этих детишек, – мимо иду, а они гуляют. Ваша какая же будет?

– Если увидите, что кто-то прыгает с высокого дерева или вылезает из кучи песка чистенький и непомятый, – значит, это моя.

И Карина скорее принялась за торт, надеясь, что хозяйка умолкнет, чтобы дать ей поесть. Но та не умолкала:

– Веселые детки, нарядные, и воспитатели их забавляют,

а я все думаю – как же они, бедные, по дому-то скучают, наверное.

– А у нас своего дома нет, – отозвалась Карина, – а по чужим квартирам особо не поскучаешь.

Володя попытался что-то вставить, должно быть, перевести разговор на другую тему, но тетя Зина не унималась:

– Ну, так по мамочке!

Карина уже приготовилась сентиментальную тему свернуть, как вдруг сообразила: да ведь это не пустопорожняя болтовня. Это же смотрины! Володина тетя беседует с Володиной девушкой, выясняя, насколько она хороша для ее бесценного Володи! Как же не пришло в голову, что тетя может быть в числе заговорщиков, затеявших устроить его личную жизнь! И мелькать время от времени следует не только на людях, но и дома, перед тетей. Какой у Володи вид сконфуженный – наверное, сталкивать их сегодня нос к носу он не собирался. А выпереть теперь тетку из дома, конечно, не может – куда она не уйдет. Придется по ходу перестроиться. Продемонстрировать, какая Володина девушка заботливая мама, хорошая хозяйка... Черт знает что!

От перспективы провести вечер на допросе Карина приуныла. Но быстро вспомнила, как боролась со скукой, когда так нудно было тащиться в школу, где ждали бесконечные уроки, одни и те же учителя, одни и те же подружки. И она спасалась тем, что начинала играть в девочку, которая идет в школу, – и почему-то сразу становилось интересно, как буд-

то смотришь кино о себе самой...

Карина возликовала: поиграть в смотрины! Тут же мелькнула хулиганская мысль, что сейчас можно наговорить о себе чего угодно, и никто ничего... Но постаралась быстро настроиться на серьезный лад: у положительного Володи должна быть положительная девушка. Иначе тетя Зина начнет с ней бороться и подыскивать другую кандидатку. Обещала ведь прикрыть! И начала подробно рассказывать, как часто Иринка в прошлом году простужалась, и как в «Знайке» ее здоровье наладилось – наверное, сосновый воздух повлиял. Эту тему тетя Зина подхватила охотно, поделившись в свою очередь, как боролась с простудами маленького Володеньки – не обращая внимания на его откровенно хмурый вид.

А Карина поглядывала по сторонам, придумывая, о чем бы еще заговорить – о хозяевах, например, для разнообразия. Но на стенах и каминной полке не было ни фотографий, ни портретов, ни почетных грамот, как у тети в квартире, – ничего, что говорило бы об обитателях дома и о том, чем они занимаются, и за что можно было бы уцепиться. Золотисто-зеленая гостиная была уютной комнатой для отдыха, и только. Даже странно. В Карачарове, едва войдешь, сразу понятно, и какая профессия у хозяина, и какой характер... А тетя Зина все продолжает кудахтать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.